

РАССКАЗЫ

ФЕДИНО ОКНО

Я повредил себе на катке ногу, и мама не пускает меня в школу. Я сижу в своей комнате и всё смотрю и смотрю на своё окно.

Думаете: «Вот скучища-то!» Я тоже сперва так думал. А потом вдруг сделал замечательное открытие: оказывается, окно — это вроде кино! Смотришь в него, как на экран, а в нём всё меняется. Хотя не так шибко, как в кино, но смотреть тоже очень интересно. Если научиться смотреть.

Я сидел, сидел — и научился.

Мы живём на самом краю города. Окно моё выходит в сад. За забором конец улицы переходит в полевую дорогу. Дорога бежит через реку, а за другим её берегом — синяя полоска далёкого леса.

Только ничего этого не видно в окно: сейчас оно почти всё занесено, заляпано снегом, — такие вьюги

и метели в феврале полетели! Я вглядывался, вглядывался в морозные узоры на окне — и вдруг понял: это же настоящее волшебное царство — вроде как на дне океана! Таинственный лес мерцающих снежных ёлочек, а в нём — разные морские ежи, морские звёзды, чьи-то стрелчатые усы, какие-то льдистые стрелки, лучистые цветы... И всё это то вспыхивает, то меркнет, играет разноцветными искорками! Ух, как чудесно! Лучше, чем в калейдоскопе, — знаете, в такой игрушечной трубке с цветными стёклышками? Прямо глаз не оторвёшь!

В тот день, ложась в кровать, я твёрдо решил, как только встану, сразу сесть к окну и подсмотреть, кто это там шевелится, мерцает в таинственном льдистом лесу и что они там делают. Утром проснулся, а стёкла чистые! Вот досада! И неизвестно, будет ли ещё нынче такая метель — прямо в моё окно, чтобы все стёкла занесло. Растаял снег на стёклах — и сразу началось другое.

Какие-то птички мелькнули за окном — целая стайка. И я сразу вспомнил, что забыл устроить бесплатную столовую для голодающих птиц. Я попросил принести мне фанерки и в один день смастерил лоток — такую досочку с бортиком, чтобы еда с неё не просыпалась. Приладил к ней верёвочки, через фортку опустил её на подоконник и привязал там. Теперь каждый вечер насыпаю на лоток разное вкусное угощение: хлебные крошки, семечки,

коноплю, ягоды рябины, сальце несолёное. И с утра жду гостей.

Они не заставляют себя долго ждать. Я разглядываю их через стекло из комнаты и опознаю — кто такие пожаловали? Вот, пожалуйста: список моих красивеньких, весёлых, миленьких гостей.

Белощёкий, с длинным чёрным галстучком на жёлтой груди зинзивер — большая синица. Самый боевой народ. Только солнышко выглянет — готово, уже поёт: «Зин-зи-вер! Зин-зи-вер! Зин-зи-вер!» Крутится на ветках, как сумасшедшая, долбит носом семечки — только шелуха летит!

Лазоревки-синички — тоже белощёкенькие, желтоватенькие, в голубеньких шапочках — тоже бойцы-храбрецы-хитрецы ловкие!

Московки-синички, черномазенькие, тоже весяги.

Снегири. Эти важные! Толстоносенькие. Самочки серенькие, самчики красногрудые.

Красотки-хохлуши. Дымчато-серые с жёлтым, на крылышках, а иногда и на хвостике узенькие-узенькие ярко-алые пальчики-пёрышки!

Ну и, конечно, воробьишки прилетали. Эти-то тут как тут, хоть будь твоё окно в середине города, выходи оно хоть во двор-колодец!

Насыпь только на подоконник крошек — в момент явятся!

А на днях вижу я в окно: кто-то едет по дороге из далёкого синего леса.

Подъезжают — оказывается, едут в санях. Два знакомых охотника. Остановились, зашли к нам обогреться. Распахнули на кухне свои тяжёлые собачьи шубы, а у каждого из пазухи... А вот ни за что не догадаетесь, кто выглянул у каждого из пазухи!

Сказать? А?.. Нет, лучше я всё по порядку.

Как дело было

Молодой колхозник Игнат шёл по лесу на лыжах и вдруг видит: иней на ёлушках! Что такое: нигде кругом инея на кустах нет, а тут вдруг над самой землёй ветки лохматятся! Дело неспроста...

Парень — стоп! Огляделся. Тэ-тэ-тээ! Вон оно что: прямо против тех ёлушек сугроб снега на поваленной ели, в сугробе дырка небольшая: ну — шапкой заткнуть. А из дырки теплом тянет: не иначе, кто-то под сугробом хоронится и через эту дырку на ёлушки дышит...

Игнат задом, задом на лыжах, кое-как развернулся да с горки одним духом!.. И в тот же день вызвал из города охотников.

Наутро в лес пошло четверо: трое стрелков — Игнат тоже ружьё взял, четвёртый — старик-колхозник. Игнат стал прямо против дырки в сугробе, охотники — один справа от него, другой слева. Каждый снег под собой утоптал, чтобы поворачиваться ловчей. Тут старик зашёл с тылу и давай суком в сугробе шуровать — поднимать спящего.

Стоит Игнат, дохнуть не смеет. Ружьё поднял: вот сейчас как рявкнет из сугроба, ка-ак вскочит!.. А время остановилось; старик что-то там возится, копается в сугробе, а дыра чернеет, молчит, ничего в ней не шевелится...

И вдруг, как во сне, — распахнулся перед парнем сугроб и что-то большое, чёрное, лохматое неслышно выкатило из него по снегу. Хотел Игнат выстрелить — ружьё вылетело у него из рук и умчалось куда-то за ёлушки. Что-то сильно толкнуло парня под ноги — и он очутился лицом в снегу.

Как это случилось, рассказали Игнату охотники потом, когда он очухался. Зверь выскочил из берлоги, как бомба, выбил у него из рук ружьё, самого его уронил в снег и скрылся в чаще. Охотники не могли выстрелить: боялись второпях попасть в Игната. Игнат отделался испугом. А охотникам без выстрела досталась богатая добыча.

Когда они у нас в кухне распахнули свои тяжёлые собачьи шубы, у каждого выглянул из пазухи... теперь догадались — кто? Медвежатки!

Оказывается, в берлоге спала медведица, и у неё во сне родились медвежата.

Мне очень понравились эти крошечные медведики: мохнатые, мягонькие, на груди белое пятно, будто у них салфетка повязана, глазки зелёные, носы чёрные — до чего смешные зверики!

Вот оно окно-то какое. Как в кино!

ПТИЦЫ НАД ГОРОДОМ

У нас в Ленинграде грязный снег убирают с улиц самосвалами. Наполнят машины и везут на Неву или, там, Невку — куда ближе, — сваливают в реку. А на окраине — в залив. Весной начнётся ледоход, весь мусор и уплывёт на льдинах в море.

Нева ещё не вскрылась, а один ленинградский охотник — смотрим — уже строит себе шалаш в кустах у самого берега на взморье.

— Славно, — говорит, — думаю тут поохотиться с чучелами на уток.

Мы над ним посмеялись:

— Не рано ли собрался?

— Какое там рано, — говорит. — Солнце уже вон как греет!

И верно: чистый снег ещё держится, не поддаётся, отблёскивает от себя солнечный свет, — а на свалке, где грязь да мусор, уже весь разрыхлился, растаял. Не успели мы оглянуться — у берега, против охотничьего шалаша, большая полынья вытаяла.

Летят к нам на родину перелётные птицы. Летят чайки, летят утки-нырки и другие водоплавающие. Смотрят с высоты — где бы на воду присесть, где бы отдохнуть-посидеть, рыбкой подкрепиться? Негде пристать: все озёра, все реки ещё подо льдом.

Но вот птицы над нашим городом, над Ленинградом. За ним — на взморье — гуляет у берега открытая вода, поблёскивает усталым путникам посадочная полынья. И вереницей плывут по ней нырки и другие утки. Радость!

Быстрыми взмахами крыльев снижаются к воде белые чайки, носятся-кружатся над полыньёй, то тут, то там выхватывают из воды серебристых мальков. Стайка чёрно-белых нырков-гоголей, кучка острохвостых морянок с разлёту плюхается в полынью. А вот, привлечённые открытой водой, полого идут из-под облаков, медленно снижаются большие белоснежные птицы. Это лебеди. Их семнадцать — целый хоровод. Медленно поднимая и опуская громадные крылья, они делают широкий круг над полыньёй, потом круг поуже и, не заметив ничего подозрительного, тяжело опускаются на воду.

Что ж не стреляет охотник?

Тихо опускает он двустволку и восхищёнными глазами следит, с какой величественной грацией касаются птицы-великаны жёлтыми ногами ясного зеркала воды и, отражаясь в нём, складывают на спине усталые крылья. Все как один высоко поднимают прямые шеи, внимательно озираются: не покажется ли на берегу человек с ружьём?

Нет, он притаился в шалаше, совсем близко от усталых путников, но он и не думает в них стрелять: слишком прекрасны эти сказочные птицы,

и они под охраной закона. Не каждому выпадает на долю так спокойно созерцать эту красоту. Охотник с благоговением следит за плавными движениями белоснежного хора и чувствует себя в театре на знаменитом балете. Какая добыча может так щедро вознаградить его за счастливую выдумку — за благовременно поставив свой шалаш в том месте, куда прилетят отдыхать и купаться прекрасные лебеди!

СЛЕПОЙ БЕЛЬЧОНОК

(Рассказ мальчика)

Папа нашёл мне бельчонка весной. Он валялся под большой сосной, где у белки гнездо. Может быть, белка перетаскивала его куда-нибудь и обронила. Я не знаю.

Мы с папой даже не заметили, что он слепой. То есть мы видели, но считали, что он нормальный: ведь они все рождаются слепыми. Мы его выкормили из соски. То есть сперва он соску не брал, сперва мы его с пальца кормили: обмакнёшь в молочко палец, а он с него слизывает. А потом на бутылочку стали соску надевать, и он из бутылочки пил.

Он рос, рос, а глаза не открываются. Потом открылись, и мы увидели, что они совсем белые: слепые! Мы не знали, что с ним делать.

Но он такой весёлый был и ласковый. Узнавал по голосу и папу, и меня. Войдёшь в комнату — он раз! — и вмиг у тебя на плече очучивается! А к папе всегда в карман залезал: нет ли там чего вкусненького?

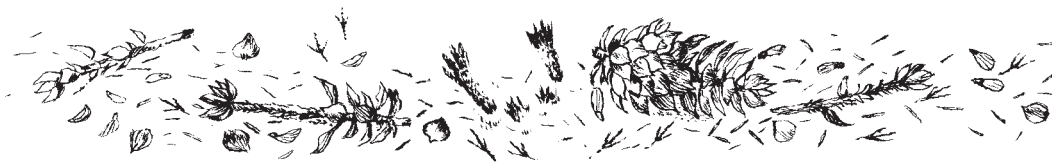
Очень любил шишки, орехи. В лапках держит, зубками быстро-быстро работает. Три ореха съест, четвёртый про запас прячет. Только как прятал-то? Положит куда-нибудь в уголок между полом и стенкой и думает, что спрятал. Слепой. Думает, и все слепые. Не знает, что раз открыто лежит, значит, у всех на глазах.

Слепой, слепой, а по всей квартире отлично бегал, ни на что не натыкался. Со стула на спинку кровати, с кровати на шкаф чересчур даже ловко прыгал; ни разу не было, чтобы сорвался или там вещь какую-нибудь уронил. Такой акробатист!

Вот только когда стул или там что-нибудь неожиданно переставишь, куда ему прыгать, — ну, тут прыгнет и шлёпнется. Слепой же ведь всё-таки. Нисколько не видел.

Вещи надо было всегда так передвигать, чтобы он слышал. Тогда он понимал и уж в пустое место не прыгал.

Ушами понимал. Уши у него были хорошо зрячие.

СТРАШНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ ПОД НОВЫЙ ГОД

Собрались под Новый год у праздничной лесной ёлки звери и птицы. Кабаны пришли, лоси, волки, лисицы, зайцы. Филин прилетел.

В другое время передрались бы все, перегрызлись, а сейчас ничего, смирно сидят. Только страшные рассказы рассказывают.

Переполох

— Хорб! Харб! Хряк! Хрю-хрю-хрюк!

Я свирепый кабан-секач. Так люди прозвали нас, молодых диких кабанов, за то, что изо рта у нас торчат два страшных бивня. Мы народ отчаянный. Даже людей не боимся, если нас — стадо, а человек один и без этого... как его?.. без хрю-хрю-хрюжья.

Только вот этой осенью случилось... Просто щетина дыбом, как вспомнишь! Свинство прямо, как напугали нас. Шли мы стадечком — я и три молодые чушки — по лесу. Глядь, забор стоит. За забором — дача, окна досками заколочены. Кругом дачи — сад; яблони, дубы огромные. У нас слюнки потекли: жёлуди там на земле валяются, может, и яблоки. А люди в заколоченных дачах никогда не живут. Это мы хорошо знаем.

